

Титов А.А.

**Крепостное право, его отмена и
судьба крестьянина до наших
дней**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А11

А11 **А.А. Т.**
Крепостное право, его отмена и судьба крестьянина до наших дней / Титов А.А. – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 87 с.

ISBN 978-5-519-76736-1

ISBN 978-5-519-76736-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Какъ крестьяне стали крѣпостными.

Три—четыре вѣка тому назадъ почти повсюду лучшія земли на Руси были захвачены князьями и боярами. Крестьяне же только въ немногихъ мѣстахъ имѣли свои земли, которыя назывались „черными“ волостями. Но если крестьянамъ пришлось сидѣть на чужихъ, „окняженныхъ“ или „обояренныхъ“ земляхъ, то все же они были свободны, т.-е. могли переходить съ одного мѣста на другое, селиться и занимать земли подъ обработку у того владѣльца, у котораго имъ было удобнѣе и выгоднѣе. Не имѣя своей земли, крестьянинъ, однако, принужденъ былъ платить разныя подати государству. Чтобы платить исправнѣе эти подати, крестьяне были зачислены въ общества и должны были поручаться другъ за друга *круговой порукой*. Такъ что уйти съ участка можно было только поставивъ вмѣсто себя новаго „жильца“ или новаго члена общины. Это, конечно, сильно привязывало крестьянина къ землѣ, къ своему обществу и участку. Кромѣ того, и отношеніе къ владѣльцу земельного участка тоже мѣшало крестьянину свободно распоряжаться своей судьбой. Владѣлецъ

заклучалъ съ крестьяниномъ особое условіе, пуская его жить и обрабатывать землю на своемъ участкѣ. Это условіе или „порядная“ не всегда была по плечу крестьянину. Особенно, когда приходилось садиться на новое мѣсто, т.-е. заводить и постройки и все необходимое по хозяйству. Тутъ владѣлецъ шелъ на помощь: давалъ „подмогу“, т.-е. ссуду, и уже съ этого дня крестьянинъ могъ считать себя закабаленнымъ, потому что весь долгъ свой владѣльцу уплатить было почти всегда не по силамъ для крестьянина, и долгъ переходилъ съ него на его сыновей и внуковъ.

Такъ понемногу крестьяне и закабалились владѣльцамъ земельныхъ участковъ. Крестьянинъ могъ, однако, переходить съ одного участка на другой; но, во-первыхъ, онъ долженъ былъ уплатить весь свой долгъ, а, во-вторыхъ, переходъ по закону позволялся только разъ въ году, осенью, за недѣлю или спустя недѣлю послѣ Юрьева дня, 26 ноября. Если же крестьянинъ уходилъ съ участка не все уплативъ или не въ срокъ, то считался бѣглымъ. Съ теченіемъ времени и это право перехода крестьяне утратили, и ихъ окончательно прикрѣпила къ землѣ *кабала*, въ которой они очутились у владѣльцевъ земельныхъ участковъ.

Мало-по-малу хозяева, т.-е. помѣщики, стали забирать все больше власти надъ крестьянской бѣднотой, — они уже стали надъ крестьянами и хозяевами и судьями и такая зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ *вошла въ законъ*.

Уже съ самаго начала XVII вѣка помѣщичьи мѣняють крестьянъ, переводятъ ихъ съ одной земли на другую, начинаютъ продавать ихъ, какъ лошадь или корову. Даже женятъ крѣпостныхъ своихъ и замужъ выдаютъ по своей помѣщичьей волѣ, а не по желанію самихъ вступающихъ въ бракъ, какъ это требуется по церковному закону. Очень скоро помѣщичьи начинаютъ смотрѣть на своихъ крѣпостныхъ, какъ на *безправныхъ рабовъ*, и за всякую провинность начинаютъ жестоко наказывать, — бить кнутомъ, батогами; мало того, подвергаютъ крестьянъ мучительнымъ пыткамъ, — подвѣшиваютъ за связанные назадъ руки, поджариваютъ огнемъ... Все это помѣщикъ могъ продѣлывать почти безнаказанно, — даже за убійство крѣпостного (до Петра Великаго) въ законѣ помѣщику наказанія не назначалось.

Такъ крѣпостное право приучало всѣхъ къ жестокостямъ, къ безправію, къ полному произволу однихъ и полной беззащитности другихъ.

При Петрѣ Великомъ крѣпостнымъ стало еще хуже. Царь, желая развитъ торговлю и промышленность, заводилъ фабрики и заводы; чтобы они больше получали прибыли, Петръ I велѣлъ приписать къ заводамъ и фабрикамъ крѣпостныхъ, сдѣлавъ ихъ даровыми рабочими; особымъ указомъ *позволилъ* помѣщикамъ продавать крестьянъ, ссылатъ ихъ въ Сибирь, обѣщая притомъ зачитывать сосланныхъ въ счетъ рекрутовъ; крестьянамъ же запретилъ уходить на отхожіе промыслы.

Екатерина II оказывала дворянамъ особое покровительство, отмѣнила для нихъ обязательную военную службу, а крѣпостныхъ крестьянъ закабалила еще горше прежняго.

Когда хотѣлось ей наградить угодившаго ей дворянина, или придворнаго, или военачальника, Екатерина дарила такому человѣку имѣніе, иногда населенное, а чаще—съ переводомъ въ него казенныхъ государственныхъ крестьянъ, обращая ихъ уже въ настоящихъ крѣпостныхъ. Такихъ подарковъ она надарила свыше 400 тысячъ „душъ“ (т. - е. только мужчинъ, а съ женщинами и дѣтьми до милліона народу!) а царь Павелъ только за нѣсколько первыхъ мѣсяцевъ своего царствованія роздалъ своимъ любимцамъ въ крѣпостные 210 тысячъ...

Какъ же жилось крестьянамъ при крѣпостномъ правѣ?

Всѣ крѣпостные были полными рабами своихъ господъ и раздѣлялись на дворовыхъ, барщинныхъ и оброчныхъ.

Дворовые—были тѣ, которыхъ помѣщикъ, отрывая отъ землепашества, бралъ къ себѣ въ домъ, составлялъ изъ нихъ себѣ дворню для всякихъ услугъ, заставляя крестьянъ быть поварами, лакеями, кучерами, псарями и т. п., а женщинъ и дѣвушекъ—горничными, сѣнными дѣвушками, няньками, словомъ, разной прислугой. За малѣйшій проступокъ виновному грозила порка розгами, а то и кнутомъ на конюшнѣ. Не такъ поваръ приготовилъ какой-ни-

будь соусъ къ обѣду, или капризной барынѣ показалось только что не по вкусу Иванъ подливку сдѣлалъ къ жареному, и этого Ивана по одному знаку барина или барыни волокли на конюшню и драли безъ пощады.

Право во всякую минуту какъ вздумается, наказать человѣка, приучало помѣщиковъ съ самаго ихъ дѣтства къ жестокости, къ безчеловѣчному отношенію къ себѣ подобному. Крѣпостныхъ за людей не считали, не понимали, что они—такіе же люди, что у нихъ свои радости и горести. И для многихъ помѣщиковъ особеннымъ удовольствіемъ было устроить какое-нибудь издѣвательство надъ безправными, беззащитными людьми. Какая-нибудь старая злобная клочница доносила „на сонъ грядущій“ своей барынѣ, что Танька горничная „ластится“ за Петра-буфетчика замужъ выйти. Барыня сдѣлала видъ, что будто и не знаетъ, а какъ придутъ женихъ и невѣста разрѣшенія просить (вѣдь безъ барскаго согласія попъ вѣнчать не смѣлъ), тутъ барыня и натѣшится... Прикажетъ Таньку въ скотницы отдать, косу остричь, осрамить опозорить, а жениха въ другую деревню сошлетъ... За что? А вотъ, какъ это „дѣвка“ Танька посмѣла безъ барскаго согласія Петрухѣ пригласиться!..

Жещинамъ же еще приходилось хуже. Чуть какая покрасивѣе,—баринъ себѣ облюбуется. А какъ станетъ дѣвушка противиться?

Сама бы потерпѣла, да за ней семья на деревнѣ осталась. Если станетъ упорствовать — семью погу-

бить. Если подастся барину — себя осрамить... И вѣшались и топились съ горя немало такія несчастныя, потому что негдѣ было искать защиты.

Всѣ остальные крѣпостные крестьяне были или на *барщинѣ* или на *оброкѣ*.

Барщинные крестьяне были тѣ, которые получали отъ помѣщика нѣсколько десятинъ надѣла для своего хозяйства, а взаменъ того должны были исполнять на помѣщика всѣ полевые работы. По закону, который установленъ былъ Павломъ I въ день его коронаціи, барщина назначалась *трехдневная*, т.-е. три дня въ недѣлю барщинные крестьяне должны были работать на помѣщика, а три дня на себя. Но этотъ законъ почти никто изъ помѣщиковъ не исполнялъ. Не за рѣдкость было барщиннымъ крестьянамъ работать на помѣщика *круглую недѣлю*, а по своему хозяйству управляться только *по ночамъ да по праздникамъ*. Барскіе управляющіе взыскивали строго за работу и въсередъ всего требовали кончить барскій „урокъ“... Обычно съ „тягла“ или „вѣнца“, (т.-е. съ мужа и жены) урокъ былъ — скосить и убрать одну или полторы десятины. Бывали „уроки“ и тяжелѣе. И вотъ, намучившись на барскомъ урокѣ, надо было безъ отдыха приниматься за свою работу.

Конечно, всякій погожій денекъ помѣщикъ поровиль для своей работы использовать.

Крестьянамъ же свое сѣно или хлѣбъ приходилось убирать подъ дождемъ, часто совсѣмъ сгнившее. Но это рѣдкимъ помѣщикомъ принималось въ рас-

четь, — съ крестьянина одинаково требовались и при хорошей и при плохой уборкѣ и работа и скотина и повинности натурой; кромѣ полевыхъ работъ крестьянамъ надо было еще доставлять на барскій дворъ и живность разную, и грибы, и ягоды, и пряжу, и холсты, и сукно... Да еще хорошо, какъ помѣщикъ жилъ тутъ же въ своемъ имѣніи. А часто надо было все продукты и дрова везти крестьянамъ на подводахъ за нѣсколько сотъ верстъ по всякой дорогѣ, въ непогодъ и стыть на морозахъ, мокнуть подъ дождемъ, блудить въ мятель... А не успѣлъ къ сроку — помѣщикъ могъ отправить на съѣзжую, т.-е. въ полицію, и приказать розгами наказать...

На барщину садили помѣщики крестьянъ въ южныхъ черноземныхъ губерніяхъ. При хорошей землѣ и урожаяхъ это имъ было выгодно. Въ сѣверныхъ же губерніяхъ, съ плохой землей, помѣщики переводили крестьянъ съ барщины *на оброкъ*.

Оброчные крестьяне получали, обыкновенно, почти всю землю помѣщика для обработки и за то платили ему оброкъ или, по-теперешнему, аренду. При плохой землѣ помѣщику такъ было спокойнѣе. Назначить оброкъ, раздасть землю надѣлами по 10—13—15 десятинъ на душу, приставить управляющаго или приказчика смотрѣть за работами, а самъ закатится въ городъ или за-границу. Хорошъ ли выдался годъ или плохъ — помѣщику тужить не надо: крестьяне на оброкъ сидятъ, и денежки въ срокъ приказчикъ вышлетъ. А каково живетъ оброчнымъ,

по силамъ ли имъ оброкъ, удался ли урожай, — помѣщикъ о томъ рѣдко вспоминалъ, а только потапливалъ письмами приказчика своего, чтобы скорѣе деньги высылалъ...

Отъ этого часто крестьяне разорялись, хозяйство ихъ падало.

Тогда помѣщикъ закладывалъ свое имѣніе, не думая о томъ, что и самъ идетъ на раззоръ и крестьянъ нищими дѣлаетъ.

При тяжелой, непосильной работѣ, при полномъ безправіи и незащитности, подѣ страхомъ за всякій пустякъ быть наказаннымъ розгами или плетью безъ всякой пощады, а то быть отданнымъ въ солдаты на 25 лѣтъ жестокой службы, или быть сосланнымъ въ Сибирь, разставшись навѣкъ съ семьей, — не рѣдко бывало, что терпѣнью крестьянскому приходилъ конецъ. Жаловаться на помѣщика было нельзя, да и некому. За составленіе жалобы на помѣщика или подачу на него челобитной по закону полагалось битие кнутомъ и ссылка въ каторжныя работы. Поэтому ничѣмъ, кромѣ самоубійства или побѣга, крестьяне не могли защитить себя отъ произвола помѣщика, отъ всякой неправды, насилій и истязаній. Ничѣмъ, кромѣ бунта и убійства ненавистнаго помѣщика или поставленнаго имъ кровопійцы-управляющаго, крестьяне не могли отплатить за всѣ мучительства крѣпостного права. И крестьяне, натерпѣвшись отъ помѣщиковъ, часто поднимались противъ мучителей своихъ бунтомъ, жгли ихъ добро, а самихъ ихъ убивали. Такъ, напр., за 5 лѣтъ

только въ одной Московской губ. крестьяне убили 30 человекъ помѣщиковъ, да 5 разъ покушались на жизнь ихъ.

Никогда крѣпостные не считали, что крѣпостное право—вѣчное; напротивъ, повсюду въ народѣ была крѣпкая вѣра въ то, что помѣщики—царскіе слуги, что владѣютъ они крестьянами *временно*, что освобожденіе близко. Съ каждымъ новымъ царемъ поднимался сейчасъ же слухъ въ народѣ, что вотъ, новый царь освободитъ крѣпостныхъ, что онъ уже выдалъ указъ, да только помѣщики тотъ указъ прячутъ. И крестьяне поднимались на помѣщиковъ, требуя выдачи царскаго указа о волѣ; правительство же, защищая крѣпостное право и помѣщиковъ, посылало солдатскія команды усмирять возстававшихъ крестьянъ. И за свою вѣру въ свободу, за свое ожиданіе воли крестьяне часто платили кровью. Такъ было, когда Екатерина II освободила дворянъ отъ обязательной для нихъ военной службы въ 1762 г., и разнесся слухъ, что царица и крестьянъ освободитъ отъ крѣпости; потомъ—въ 1766—1768, когда Екатерина созвала изъ людей всѣхъ званій комиссію для составленія новыхъ законовъ. Черезъ 30 лѣтъ, когда на престолъ взошелъ Павелъ I, опять разнесся слухъ, что крѣпости больше не будетъ, что новый царь дастъ крестьянамъ свободу. Крестьяне поднялись сразу въ 12 губерніяхъ, и царю пришлось усмирять ихъ оружіемъ. То же случилось и въ 1826-мъ году, въ 9 губерніяхъ, послѣ воцаренія императора Николая I. Затѣмъ бунты и

возстанія крестьянъ становятся еще чаще, несмотря на всѣ угрозы, со стороны правительства. За 26 лѣтъ въ царствованіе царя Николая I. крестьяне поднимались на помѣщиковъ *547 разъ*, хотя и выпущенъ былъ манифестъ отъ царя, что „всякіе толки о свободѣ казенныхъ поселянъ отъ уплаты податей, а помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей отъ повиновенія ихъ господамъ — суть слухи ложные“, за распространеніе которыхъ манифестъ грозилъ страшными наказаніями. Священникамъ велѣно было этотъ манифестъ читать по всѣмъ церквямъ 6 мѣсяцевъ, а неповинующихъся манифесту наказывать на мѣстѣ военнымъ судомъ, т.-е. вѣшать въ 24 часа. Но все это не помогало запугать крестьянъ, и до самаго своего освобожденія и казенные и барскіе крестьяне продолжали волноваться и возставать противъ крѣпостного права все чаще и чаще. Народъ ждалъ свободы своей, онъ былъ увѣренъ, что скоро ее получитъ. И никакіе манифесты и указы не могли заставить его отказаться отъ своей завѣтной мечты — избавиться отъ ненавистой помѣщичьей власти и стать свободными. Крестьянскіе бунты ясно показывали, какъ тяжело для народа ярмо крѣпостного права, какъ жаждетъ онъ свободы. И чѣмъ тяжелѣе дѣлалось крѣпостное право, тѣмъ чаще возставали крестьяне, и правительство волей-неволей должно было понять, что это дѣло лучше добромъ кончить, т.-е. лучше не доводить до того, чтобы всѣ крѣпостные поднялись, какъ одинъ человѣкъ. Съ другой стороны — сами помѣщики такъ вели свое хозяйство,